

Край завесы

1915, Источник: Волин. "Революция и анархизм (Сборник статей)". - Издательство Конфедерации "Набат", 1919

Нью-Йоркский "Голос Труда", №№ 50 и 51, 27 авг. и 3 сент. 1915 года. Статья написана в Париже под живым впечатлением разговора с В. Л. Бурцевым. Бурцев отстаивал „оборонческую" позицию. Я сказал ему: если в истории есть хоть какая-нибудь логика, хоть какой-нибудь „закон равновесия", то война, по моему мнению, должна будет пойти так: поражение России; сильный удар Франции; революция в России, конечное поражение Германии (Англией?) и переход к революции немецкой, и, затем, всемирной. Я подробно развил в разговоре мои соображения. В статье — первой части разговора придана несколько иная форма.

“ Бьют не Россию: бьют режим.

(Из недавних разговоров)

В самом начале войны мне случалось не раз беседовать на тему об открываемых ею "перспективах" и "горизонтах"... И, далее, о том, какие именно перспективы представляются, — учитывая войну, как исторически совершившийся факт,- наиболее выгодными, наиболее „желательными" теоретически, с точки зрения интересов революции и освобождения трудящихся.

Помню, я нередко выражал тогда свою точку зрения следующим, приблизительно, сжатым и „парадоксальным" образом.

Если бы, — говорил я, — управляющее судьбами человечества Провидение вдруг, как это бывает в сказках, остановило меня и сказало: "Слушай, смертный! У меня явилось капризное желание поступить в этой войне так как ты мне прикажешь... Говори, чьей победой хотел бы ты, чтобы она кончилась. Я сделаю по твоему слову..." Если бы, таким образом исход войны был поставлен в зависимость от моего прямого, личного желания то я ответил бы:

Хочу, во-первых, чтобы немцы разбили русских, ибо это может дать необходимый "физический" толчок к назревшей в России революции.

Хочу, во-вторых, чтобы немцы нанесли хороший удар Франции, ибо это может и французам помочь выбраться из того мещански-буржуазного болота в каком они увязли по горло.

Хочу, в третьих, чтобы, в конце-концов, кто-нибудь разбил на-голову и самих немцев, по аналогичным соображениям.

Не знаю, сумело ли бы мудрое Провидение выполнить мои желания.. Вся трудность для него, в этом случае, заключалась бы, вне всяких сомнений, в том "ком-нибудь", который должен был бы, в конечном счете разорить самих немцев. Ибо, если бы мне, так-таки, и пришлось говорить серьезно с Провидением, то, разумеется, я поставил бы условием, чтобы этот "кто-нибудь" не был одним из современных буржуазных государств...

Множество раз, с тех пор, ставился и серьезно разбирался в социалистической печати всех оттенков жгучий вопрос о том, что было бы большей угрозой и опасностью для свободы народов, для демократии, для дальнейшего развития рабочего движения, словом — для поступательного движения человечества: победа ли германского блока, или же победа альянса?

Совершенно естественно, что вопрос этот никогда не мог быть определенно и неопровержимо решен, ибо для того или иного решения его нет достаточных данных. Авторы ограничивались, конечно, тем, что высказывали свое личное мнение и старались более или менее убедительно его аргументировать.

В частности, и на страницах "Голоса Труда" вопрос этот затрагивался не один раз. Читающие его товарищи знают, конечно, что, напр. тов. М. Корн склонен усматривать большую опасность в победе германского имперо-милитаризма, тогда как сама редакция "Голоса Труда" опасается в меньшей степени победы русско-французского альянса.

Имелись также серьезные попытки ввести вопрос в плоскость не чьей-либо, а "ничьей" победы. Предвиделось, что наилучшим, с сказанной выше точки зрения, результатом было бы, чтобы никто не побеждал; чтобы все, в виду простого истощения сил и невозможности продолжать войну, вернулись восвояси и "с пустыми руками". Указывалось, что такой результат мог бы весьма наглядно показать массам всю нелепость войны, всю бессмысленность и бесполезность затрачиваемых сил и приносимых жертв; мог бы вызвать в массах глубокое брожение и недовольство; причем ни одно правительство, в этом случае, не имело бы повода особенно ликовать и гарцовать перед своими "верноподданными"... "Голос Труда" не раз останавливался на этой гипотезе и совершенно справедливо отмечал, что ход событий дает известные основания предугадывать такой исход войны "в ничью".

Но, до самого последнего времени, невозможно было высказаться по всему этому вопросу сколько-нибудь определенно, в смысле предположений и учетов... Приходилось идти чересчур ощупью. Трудно было приподнять хотя бы краешек тяжелой завесы, отделяющей нас даже от ближайшего будущего...

Развернувшиеся в самое последнее время и продолжающие развиваться все в том же, новом направлении события позволяют уже теперь, кажется мне, приподнять этот край завесы и, — пусть еще весьма предположительно, но с еще более вескими основаниями, — остановиться на кой-каких общих перспективах.

События эти состоят, как известно, в том, что Россия в настоящее время терпит, по-видимому, окончательное и решительное поражение, и что, в связи с таковым, внутри страны растет недовольство, начинается брожение, напоминающее, по своему характеру, "смутное время" 1904—1905 годов.

И вот тут-то вспоминается мне невольно мой фантастический разговор с мудрым Провидением.

Всякий раз, когда читаешь о чудовищных поражениях русских армий, в связи со всем тем, что узнаешь о внутренних событиях на родине, — не можешь не говорить себе: "Пусть ужас охватывает при мысли о той цене, какую платит русский народ истории за счастье быть еще раз побитым в войне. Пусть кровь стынет от ярости, скорби и муки при виде всего того, что разыгрывается в настоящее время в злосчастной России.— но, не пройдет же все это бесследно!... Поражения и их последствия могут, должны дать новый толчок русской революции... И на этот раз, если только революция начнется, она будет иметь серьезные шансы на успех..."

И невольно думаешь дальше: "В конце концов, не так уж невозможно, чтобы Германия разбила-таки, в большей или меньшей степени, всех своих противников... Россию она, во всяком случае, может разбить на голову, это ясно... И — кто знает? — такой финал приведет-таки, быть-может, к взрыву народного гнева в России, а затем, может-быть, и во Франции, а быть-может и в Англии... Ибо — переполнится всюду чаша терпения народного..."

И тут же думается: "Но, Бог мой! Что же будет тогда твориться в "победоносной" Германии?... Какой ужас предстоит в будущем немецкому трудовому народу, если Германия выйдет из войны решительной победительницей, в ликования диктующей условия мира!.. Какая страшная реакция, какая оргия империализма, милитаризма и пр. может начаться там!.. И каким огромным препятствием может служить эта черная сила революционному размаху в других странах... Нет. Необходимо, исторически необходимо, чтобы и Германия была, в конечном счете, кем-нибудь побита; чтобы и в Германии не могло быть победного ликования..."

И думается еще: "Но, быть-может, Германия, истощенная, вынуждена будет, в конце концов, капитулировать перед Англией?.. Англии, быть-может, в настоящих условиях в особенности, — менее других "вредно" выйти из войны в роли победительницы?.. Или, может-быть, Германии, даже в случае победы, будет не до ликования после этой бойни, и население её, все-таки, будет недовольно?.."

И чувствуя, что эти последние размышления неубедительны, наталкиваешься на еще одну возможность, еще одну "перспективу", — ту самую, к которой я, собственно, и веду свою речь.

Возможность эта могла бы показаться утопической, почти "дикой", если бы не наличие нескольких весьма веских, говорящих за нее, соображений:

1) Не следует упускать из вида, что настоящую войну нельзя рассматривать и учитывать, как отдельное, законченное, самостоятельное и самим собою исчерпываемое явление. Война эта представляет из себя, во всяком случае, явление исторически грандиозное. Её "итоги" не могут замереть в пределах её самой. Бесчисленные и глубокие круги пойдут от неё во все стороны и на многое число лет. Она положит глубокий отпечаток на все XX-е столетие. Она явится, несомненно, началом целой великой эпохи, — эпохи длительной и колоссальной как по своему размаху, так и по своему содержанию и последствиям... Она, сама по себе, — лишь прелюдия к целому ряду крупнейших потрясений, перемен, сдвигов и переворотов... Ибо слишком до основания потрясет она устоявшееся-было и начавшее кое-где загнивать болото исторической жизни народов, и вызовет в этих спящих водах не одну бурю, не один ураган...

Ну, а если позволительно предположить, что волны этой войны не улягутся в берега, не поразмыв основательно "устоев" внутренней жизни народов; что взбаламученное этой войной до самого дна море народной жизни не успокоится так легко и просто, и отраженным образом вызовет новые и новые бури и потрясения, — то позволительно идти в своих рассуждениях и дальше, а именно:

2) Быть-может, разбитая немцами Россия произведет еще до окончания этой грандиозной войны (мы имеем пример тому в Русско-Японской войне) резкую, решительную и плодотворную революцию, перед которой "революция" 1905 года была лишь "генеральной репетицией"...

Быть-может, эта революция окажется настолько "великой", что, подобно Великой Французской Революции, вдохнет колоссальную, всесокрушающую энергию в сердца людей; быть-может, тогда русский народ, подобно французскому во дни Великой Революции, восстав и решительно сломив старый строй, сумеет быстро организовать крупные силы и преобразить войну гнилого русского самодержавия с немецкой военно-промышленной кастой в действительно освободительную войну революционного, проснувшегося к новой жизни народа со всякими, в том числе и немецкими насильниками; быть-может, не только бельгийские, итальянские, французские и английские, но и сами немецкие сознательные массы прямо или косвенно поддержат его в этой великой, революционной войне; и, быть-может, молодая революционная Россия справится, таким образом, с немецким военным насилием, подобно тому, как санкюлоты Великой Революции справились с поднявшейся на них европейской коалицией... Быть-может, эта великая эпопея подаст сигнал к великому пожару, и в буре всеобщего негодования и бунта рухнут и разобьются, наконец, тысячелетние цепи рабства на всей освобожденной земле?...

Согласен, что такие "перспективы" могут захватывать дух и вызывать головокружение, а иным скептикам покажутся даже просто смешными, утопическими, выхваченными из романов Уэльса... Но повторяю, во-первых, что, если только не бояться окинуть взором эту эпоху всю, в её целом; если не бояться заглянуть в нее глубже и дальше, за акт войны самой по себе; если принять эту войну лишь как пролог затяжной и несущей в себе глубокие

здатки и огромные потрясения драмы целого столетия (а истекший год войны и созданное ею ныне положение вещей дают некоторое право на такую точку зрения): если, словом, рассматривать нынешние события, как начало событий огромного, всемирно-исторического размаха, — то предлагаемое рассуждение не будет казаться столь уж невероятным... А во-вторых, я всегда помню две вещи: я помню 1), что реализация "большой" революции, революции социальной, потребует почти неизбежно предварительных глубоких потрясений, вероятнее всего — именно войны... И я помню 2), что мы "не знаем ни дня, ни часа, в которые грянет Сын Человеческий", и должны, поэтому, быть постоянно настороже, постоянно готовы...

Вот этот-то, практически (или, если хотите, тактически) обязательный для нас вывод, резко подчеркнутый создавшимся ныне положением вещей, меня больше всего и занимает. Ради него-то, главным образом, я и стремлюсь приподнять ныне "край тяжелой завесы..."

Ибо, я лично нахожу смешными, близорукими и утопическими как-раз "перспективы" тех наших "социал"- и "анархо-патриотов" (термин не совсем, или даже совсем неудачный, но уже приобретший право гражданства), которые, сводя данную войну к нашествию "варваров-тевтонов" на "демократическую цивилизацию" остальной Европы, проповедуют сперва отражение нашествия, в священном единении с правительством и с отказом от тени "революционного действия", а потом уже — некую внутреннюю борьбу... Ибо, если бы Германия была действительно разбита соединенными силами альянса и, в первую голову, российским самодержавием, то, по моему личному мнению, это был бы такой ужас, такое черное и длительное царство реакции, перед которым тускнеют все опасения за последствия немецкой победы...

В противовес лозунгу этих „утопистов“: сперва союз с собственными варварами и самоотречение, а потом, может быть, революция, - в России само собою назревает в настоящее время обратное настроение и, силою вещей, создается почва для усвоения массами как-раз обратного лозунга: прежде всего, и скорее - революция, а затем или заодно с тем - революционно-освободительная война против всех видов насилия и против всех его носителей, русских, немецких, иных.

Само собою разумеется, что события могут еще направиться и по иному руслу. Ни я, ни кто другой не пророчествуем... (Я уверен, что тысячам русских эмигрантов, как и мне, лично было бы глубоко больно, если бы революция вспыхнула в России до окончания войны, ибо, в таком случае, им не пришлось бы, вероятно, принять в ней непосредственное участие...).

Я лишь снова и снова ставлю все тот же общий вопрос: с какими лозунгами революционеры и анархисты должны, на почве этой войны, подходить к массам? Что должны они нести им?...

И я отвечаю: единственный мыслимый для нас, сознательных революционеров и анархистов, лозунг, во всякую минуту и при всяких условиях, — революция и революционная война

против всякого насилия, а не отказ от революции ("временный"!) и патриотическая война... Массы — могут быть насильственно вынуждены принять последнее, но нашим лозунгом, нашим делом оно становится никогда и ни на одну минуту не должно.

И вот, когда события принимают такой оборот, как в настоящее время в России, — то становится особенно ясно, что именно этот, революционный лозунг есть правильное толкование и выражение нашей идеи, есть наш истинный, не подлежащий изменению, "вечный" лозунг... Становится ясно, что грубую ошибку совершают те, кто, ради чего бы то ни было, и хотя бы на одну минуту, отрекаются от него... Ибо история, эта великая предательница, всегда угрожает бросить в мир справедливость высшую, правду вечную, и мы, — носители этой правды и справедливости, — должны неизменно и верно служить только ей, а не лакействовать перед другими, низшими и временными силами истории... Иначе, история может жестоко обмануть нас, и мы можем неожиданно очутиться в хвосте её... "Отрекающиеся" рискуют, по близорукости, не разглядеть перста истории и промахнуться... Но неправда, будто мы, не принимающие войну, *"с легким сердцем рискуем нашествием всяких ужасов завоевания"*. Неправда потому, что эти ужасы — ничтожны, вымышлены, миражны перед лицом "высшей правды", высших интересов трудящихся рабов земли. Неправда потому, что история, в конечном счете, — с нами, с нашей великой идеей, и мы не рискуем быть преданными ею, если только сами не предадим её. "Отрекающиеся" совершают уступку — пусть временную — "правде низшей". История может жестоко насмеяться над ними, наказать их, дав как-раз место "правде высшей"...

И в данном случае, в нынешних событиях, история как-будто именно и собирается подтвердить всю глубокую жизненность, всю вечную, неизменную правду нашего лозунга. Вот она готова бросить его сама, помимо нашей воли. Она готова подчеркнуть его вечную истинность, невозможность никогда, ни при каких обстоятельствах, ни на минуту отказа от него... Имеющий уши слышать её голос — да слышит!...

Мы проповедуем наши анархические идеи потому, что если бы сейчас все приняли и воплотили их, — мир стал бы иным. Их сейчас не принимают. Это не заставляет нас, однако, отказываться от них. Ибо - придет наш час, и мы не знаем, когда придет он, и должны быть всегда готовы к нему и стараться ускорить его приближение.

Должны ли же отпадать или меняться наши вечные лозунги против войны, против участия в войне и за революцию от того, что в известные моменты масса не принимает, не может принять их? — Нет, конечно. Не должны. Или — если должны, то и всю остальную нашу истину, неотъемлемую частицу которой составляет эта, первая, позволительно исказить, изменять и урезывать, приспособляя ее к надобностям момента и поведению масс.

Вот где начинается наклонная плоскость оппортунизма.

И вот почему я считаю небесполезным приподнять теперь же край завесы.

События начинают, наконец, говорить живым, внятным языком. Тяжелый хмель первых дней проходит...

Открывается почва для нашего дела, для нашего, единственно верного, вечного лозунга: революция и борьба революционного народа со всеми видами господства и насилия, вплоть до возможного максимума достижений.

Все те, кто призывали в России к "миру" вместо революции; все те, кто изменили этому "вечному лозунгу", могут быть теперь с минуты на минуту вынуждены снова изменить себе и вернуться к старому призыву. Почему же?.. Потому ли, что их "программа" выполнена и "враг" поражен? Нет. Наоборот (о, ирония судьбы!): потому, что враг поражает. Потому, что история обманула их. Потому, что слепо-логичная, слепо-правильная (в данном случае) сила вещей сама непреодолимо вела дело против их, несоответствующих с нею, с её высшей правдой, лозунгов и, в результате, дает в массах "контр-пар"... И будут они ловить ускользающие от них тени и приспособляться массам... Право, логичнее и последовательнее для них было бы и теперь, когда нарастают гнев и бунт, воздевать руки к небу и возглашать: "Что вы делаете?.. Вы же губите цивилизацию и демократию!.. Прежде всего—побейте немцев! Уничтожьте зверского врага!.. А потом уже — сделаем революцию.." Ибо, истина ведь должна быть одна, и логика — одна, и лозунг—один, а не два, три, четыре, смотря по обстоятельствам; не так ли?.. Массы же переменчивы; и если уж начать гоняться за ними, то может прийти каждый день кричать по разному...

Мы же все, оставшиеся все время неизменно верными нашей правде, должны в настоящий момент еще ясней осознать наш лозунг, еще глубже понять всю святую необходимость сейчас еще решительнее и ярче бросить его.

Приподнятый ныне край завесы ослепительно ярко показывает нам, что сейчас, все так же как и всегда, только с еще большей силой жизни, ибо готова почва, этот лозунг, — приемлется он массами или еще нет, — должен быть: немедленная революция!.. А все прочее — приложится.

Ибо — да будем мы всегда готовы к приходу «Сына Человеческого»; и да встретим мы его с возженными светильниками...

Версия #6

Зверобой создал 9 ноября 2025 03:38:59

Зверобой обновил 9 ноября 2025 06:08:36